

Осборн М.
Мемфис, США

**АРХЕТИПИЧНЫЕ МЕТАФОРЫ В РИТОРИКЕ:
СФЕРА ОБРАЗОВ «СВЕТ-ТЬМА»**

УДК 808.5

Код ВАК 10.02.20; 10.02.19

Аннотация. Одно из лучших исследований широко известного американского специалиста по риторической метафорологии Майкла Осборна впервые переведено на русский язык. Первая публикация на английском языке – 1967 год.

Ключевые слова: Политическая метафорология; риторическое направление; политическая коммуникация; тьма.

Сведения об авторе: Осборн, Майкл
Ученая степень, звание: доктор философии, профессор

Место работы: Университет Мемфиса,

Должность: профессор

Сведения о переводчике: Белов, Евгений Сергеевич

Место работы: Челябинский государственный педагогический университет

Должность: аспирант

Контактная информация:

E-mail: skout03@nail.ru

Osborn M.
Memphis, USA

**ARCHETYPAL METAPHORS IN RHETORIC:
THE LIGHT-DARK FAMILY**

Abstract. One of the best studies of a renowned American specialist in rhetorical metaphorology Michael Osborn is for the first time translated into Russian. The first publication in English was in 1967.

Key words: Political metaphorology; branch of rhetoric, political communication, darkness

About the author: Osborn, Michael
Academic degree, academic status: PhD in philosophy, professor

Place of employment: University of Memphis

Position: professor

About the translator: Evgeny Sergeevich Belov
Place of employment: Chelyabinsk State Pedagogical University,

Position: post-graduate student

Объектом данного исследования являются потенциальные возможности одной из форм «нового критицизма», нередко упоминающиеся в работах приверженцев риторического критицизма¹ и заключенные в идее о том, что свежий и пристальный взгляд на образный язык и особенно на метафоры не уступает по своей плодотворности подобным изысканиям в области литературной критики и может послужить почвой для не менее значимых выводов. К примеру, с целью выявить наиболее предпочтительные образные модели, а также проследить за эволюцией определенного образа могут быть изучены выступления какого-либо человека, определенные типы выступлений, публичные выступления того или иного исторического периода. Задачи также могут включать описание количественных вариаций образных употреблений в результате изменений таких внутрикультурных циклических факторов, как кризис и улучшение, либо развитие и ухудшение.²

Ввиду столь широкого спектра исследования возникает необходимость более подробного рассмотрения в настоящей работе того, что в предшествующей статье было обозначено термином «архетипичная метафора»³. Исследование указывает на наличие ряда характерных свойств, присущих данному типу метафоры в риторическом дискурсе.⁴

а Culture", посвященное изучению общественной символики и метафорам (Университет Флориды 1960 г.). Согласно Рейнольдсу, когда в условиях затяжной дискуссии ресурсы изобретательности на исходе, риторическая энергия может быть сконцентрирована на развертывании стилистических приемов, что способствовало бы усилению драматического эффекта и укреплению отстаиваемых в споре позиций.

Ежегодный «Список монографий» свидетельствует о наметившейся в начале 1930-х годов тенденции в сторону исследования образности речи на уровне магистерских диссертаций. Результатом данного всплеска, исчезнувшего с той же стремительностью, с которой он и появился, стали две работы, заслуживающие нечто большее, чем просто забвение, как это обычно бывает с магистерскими диссертациями. В своей работе "A Study of the Homely Figures of Speech Used by Abraham Lincoln in his Speeches" Джунелла Титер (Нортвестерн, 1931) отдает предпочтение (в манере Кларка) функциональному, «коммуникативному» аспектам образности. "Edmund Burke's Imaginative Consistency in the Use of Comparative Figures of Speech" Мельбы Херд (Университет Миннесоты, 1931) представляет собой в высшей степени компетентное исследование по типу, предложенному Мэлоуни.

³ Michael M. Osborn and Douglas Ehninger, "The Metaphor in Public Address," *Speech Monographs*, XXIX (August 1962), 223-234.

⁴ Применимость термина «архетип», возможно, поставит под сомнение неоднозначность его толкования, ввиду использования и адаптации термина различными учеными в собственных целях. Само слово может означать миф или символ, либо определенную «глубину» отклика на произведения великой литературы или древние темы, воспроизводимые в литературе,

¹ См. например: Martin Maloney, "Some New Directions in Rhetorical Criticism," *Central States Speech Journal*, IV (March 1953), 1-5, and Robert D. Clark, "Lessons from the Literary Critics," *Western Speech*, XXI (Spring 1957), 83-89. Различные подходы в литературной критике представлены в: Richard Harter Fogle, *Hawthorne's Fiction: The Light and the Dark* (Norman, 1964); Caroline F. E. Spurgeon, *Shakespeare's Imagery and What It Tells Us* (Cambridge, 1935); and Stephen Ullmann, *The Image in the Modern French Novel* (Cambridge, 1960).

² Уже завершены некоторые исследования в этих направлениях, и в данной статье встречаются ссылки на опубликованные работы. Среди неопубликованных работ стоит выделить диссертацию Уильяма Мартина Рейнольдса "Deliberative Speaking in Ante-Bellum South Carolina: The Idiom of

Во-первых, архетипичные метафоры характеризуются особенной популярностью в риторическом дискурсе. Имея практически неограниченные образно-ассоциативные возможности, архетипичные метафоры используются чаще, чем их «свежие» аналоги. К примеру, желая придать образности своему суждению о каких-либо предметах, говорящий чаще прибегнет к использованию ассоциативной оппозиции *светлый – темный*, нежели к таким оппозициям, как «Кадиллак» (дорогой элитный автомобиль) – «Эдсел» (доступный по цене автомобиль), плющ – сумах (ядовитое растение), тачдаун (удачное окончание атаки в американском футболе) – неумелое обращение с мячом и т.п.

Во-вторых, высокая популярность архетипичных метафор представляется неизменной во все времена, при этом наблюдается сохранение предпочтительной модели и ее повторение из поколения в поколение без существенных изменений. В кросс-культурном аспекте архетипичные метафоры также подтверждают свое постоянство, оставаясь неизменными во всех культурах.⁵ Поэтому, когда Данте говорит о Боге как об ослепительном свете и Гадесе, полном мрачной тьмы, а Демосфен описывает беспокойные Афины, сравнивая их с поднявшимся над морем штормом, смысл их слов доходит до нас и становится ясным, преодолевая временные и культурные барьеры.

В-третьих, архетипичные метафоры укоренены в непосредственном человеческом опыте, объемлющем предметы, действия и условия, являющиеся неотъемлемой и значимой частью человеческого сознания. Так, архетипы смерть и секс – возвышенности на географической карте человеческого опыта.

В-четвертых, привлекательность архетипичных метафор соотносится с основными человеческими мотивами. Зачастую оказывается, что создание образа вертикальной шкалы, при которой желаемые объекты проецируются выше, а не желаемые ниже по отношению к адресату речи, символически выражает стремление говорящего к власти. Представляется, что наи-

более выдающиеся области человеческого опыта становятся центрами концентрации подобных мотивов, посредством чего последние находят свое символическое выражение. Таким образом, когда предмет риторического высказывания преподносится с помощью архетипичной метафоры, происходит своего рода двойная ассоциация. Предмет ассоциируется с наиболее рельефной областью опыта, которая, в свою очередь, уже ассоциирована с основными человеческими мотивами.

Во многом благодаря этой специфической двойной ассоциации возможна полная экспликация побудительного потенциала архетипичной метафоры, в чем и состоит ее пятая характеристика. Ввиду определенной универсальности и всеобщей привлекательности за счет своей привязанности к основополагающим и общим человеческим потребностям, говорящий может в полной мере рассчитывать на то, что использование подобных метафор в речи окажет воздействие на большую часть аудитории. Будучи порожденными из жизненных интересов людей, данные метафоры активируют мотивационную энергию в масштабах аудитории и в случае успешного воздействия преобразуют эту энергию в мощный поток, движущийся в удобном говорящему направлении. Высокой степенью наглядности в этом отношении характеризуются определенные архетипичные комбинации, например, метафоры «болезнь – лекарство». Данные комбинации в образной форме представляют цикл «угроза – утешение», описанный Ховландом и рядом других исследователей.⁶ Образы болезни вызывают сильное чувство страха, а образы лекарственного средства фокусируют эмоциональную энергию в направлении принятия некоторых заверяющих и успокаивающих рекомендаций.

Наконец, в соответствии с вышеизложенными характеристиками функционирования архетипичных метафор, отмечается их выдающееся положение в риторике, тенденция к употреблению в самых важных частях самых важных политических обращений в любом обществе. Подобные метафоры, как правило, занимают ключевые позиции в тексте обращения, выполняя при этом определенные функции: указание на тон и точку зрения говорящего во вступлении, усиление аргументации в основной части обращения, синтез значения и силы обращения в заключении.⁷

Такие свойства, как побуждающая способность, эффективность в процессе межкультурной коммуникации и долговечность, объясняют

или даже отражать структурные явления мозга, развившихся в виде «расового сознания» до определенных форм повторяющегося опыта. См. например: Philip Wheelwright, *The Burning Fountain: A Study in the Language of Symbolism* (Bloomington, 1954), стр. 86-93, 123-154, а также *Metaphor and Reality* (Bloomington, 1962), стр. 111-128; Northrop Frye, "The Archetypes of Literature," in *Myth and Method: Modern Theories of Fiction*, ed. James E. Miller, Jr. (Lincoln, 1960), стр. 144-162; and Maud Bodkin, *Archetypal Patterns in Poetry: Psychological Studies of Imagination* (London, 1934). Несмотря на высокую вариативность интерпретаций, термин сохраняет в себе идею базовых и неизменных видов опыта. В настоящей работе термин согласуется именно с этой идеей.

⁵ Обобщенное понятие культурного сходства в метафорических использованиях находит эмпирические обоснования в Solomon E. Asch, "The Metaphor: A Psychological Inquiry," *Person Perception and Interpersonal Behavior*, ed. Renato Taguiri and Luigi Petrullo (Stanford, 1958), стр. 86-94.

⁶ Carl I. Hovland, Irving L. Janis, and Harold H. Kelley, *Communication and Persuasion: Psychological Studies of Opinion Change* (New Haven, 1953), pp. 59-96.

⁷ Изучению метафор смерти и секса в заключительной части текста посвящено исследование M. Osborn, "Attitudinal Effects of Selected Types of Concluding Metaphors in Persuasive Speeches," *Speech Monographs*, XXXIII (June 1966), 147-155.

предпочтения оратора в выборе именно архетипичных метафор в стремлении оказать решающее воздействие на общественное мнение, выйти за рамки собственного народа и обратиться к большей аудитории, либо увековечить память о своей личности за счет яркости и стойкости образов прознесенной речи.

В настоящей статье рассматриваются четыре источника архетипичных метафор: образы света и тьмы, солнца, жары и холода, а также образы природного цикла, все из которых соотносятся по своей природе и составляют основу мотивационного воздействия. Организующей метафорой для данной работы является метафора солнечной системы, поскольку на наш взгляд, наиболее действенный способ прояснить происхождение архетипичных метафор состоит в представлении об их источниках как о существующей в пространстве совокупности элементов, где свет и тьма занимают центральную часть пространства, а солнце, жара и холод, образы природного цикла отстоят от центра и занимают периферийное положение по отношению друг к другу.

Образы света и тьмы являются солнцем своей собственной архетипичной системы, в которой само солнце имеет лишь планетарное значение. Тот факт, что все рассматриваемые в настоящей работе архетипы в той или иной степени разделяют мотивационную основу образов света и тьмы, объясняет центральное положение последних. Очевидны также существенные характеристики данных мотивов и логическое обоснование выбора указанных архетипов (свет и тьма) в качестве центральных.

Свет (день) ассоциируется с фундаментальным принципом борьбы за существование и развитие. Свет обуславливает возможность видеть, а зрение – это весьма важный чувственный инструмент связи с окружающим миром. Благодаря свету и зрению человек имеет возможность не только получать информацию об окружающей среде, избегать ее опасности и извлекать пользу, но даже оказывать на нее влияние.⁸ Свет также подразумевает тепло и порождающую силу солнца, как прямо, так и косвенно способствующую физическому развитию человека.

Полную противоположность представляет тьма (равно как и ночь), порождающая страх перед неизвестностью, лишаящая человека возможности видеть и получать информацию об окружающей среде, избегать ее опасности и пользоваться преимуществами. Не имея возможности контролировать окружающий мир, человек оказывается в безнадежном положении. И наконец, тьма ассоциируется с холодом,

остановкой в развитии и мыслями о смерти, могиле.

Так каков же эффект от использования метафор света и тьмы? Способные вызывать устойчивые позитивные и негативные ассоциации с основополагающими человеческими стимулами к выживанию и развитию, архетипичные метафоры воплощают усиленные оценочные суждения и могут вызывать значительную оценочную реакцию аудитории. Благодаря использованию в речи образов света и тьмы, создается и сохраняется упрощенное двузначное черно-белое отношение, которому, как кажется, отдают свое предпочтение, как ораторы, так и их аудитории. Таким образом, текущая ситуация окутана мраком, но предложения выступающего с речью прольют свет на состояние дел.

Метафоры света и тьмы имеют еще один подразумеваемый смысл, по-видимому, оставшийся без внимания исследователями риторики. Иногда ораторы считают целесообразным, говоря о текущем состоянии дел или о своем видении будущего, выражать идеи о *неизбежности*, либо *детерминизме*.

Реформу не просто *следовало было* или *следует* осуществить, но она *должна была* или *будет* осуществлена.

Детерминистический подход обладает большей стратегической важностью в выступлениях, касающихся будущего. При этом оратор может рассчитывать на эффект стадности: «вам лучше присоединиться к нам: будущее будет в точности таким, каким мы его видим.» В моменты общественного кризиса и всеобщего отчаяния, возможно, оратор захочет успокоить и заверить аудиторию в том, что: «для отчаяния нет причин: лучшие времена впереди.» Утверждения вроде последнего помимо эффекта всеобщего успокоения будут иметь риторическое значение для самого оратора: уверенные публичные заявления о том, что будущее будет таким, каким желает его видеть аудитория, поднимет моральный дух оратора, закрепив за ним образ «человека непоколебимой веры».

Подобная убежденность и оптимизм находят свое идеальное выражение посредством комбинации метафор света и тьмы, поскольку последние являют собой более чем резкоконтрастирующие качественные характеристики окружающей среды. Их ассоциативный потенциал лежит гораздо глубже и исходит из устойчивого хронологического процесса – перехода дня в ночь и ночи в день. Поэтому, использование в обращении символических образов темного прошлого и светлого настоящего или темного настоящего и светлого будущего всегда привносит скрытый элемент детерминизма, порождаемый оратором в соответствии с целью его речи.

Зачастую оказывается, что значение данного исторического детерминизма приобретает

⁸ Данная концепция человека при наличии света или его отсутствия была сформирована отчасти под влиянием основных аспектов поведения, предложенных Чарльзом Моррисом в книге «Signs, Language, and Behaviour» (New York, 1946), с. 95.

в риторике под действием условий более умеренный характер и поэтому редко может быть приравнено к смысловым связям философского детерминизма. Последний, в свою очередь, сводит к нулю значение непредвиденных факторов и рассматривает исторический процесс, как единый, непрерывный и неумолимый поток, стремящийся к фиксированному состоянию или «Абсолюту», что отражено, например, в работе Гегеля «Разум в истории». В случае с риторическим детерминизмом наблюдается схожее исключение или игнорирование бесчисленного количества случайностей и непредвиденных жизненных ситуаций, однако наблюдается прерывание данного редукативного процесса в одном шаге от философского детерминизма. Предлагаемая концепция, обычно, имеет в основе две образные альтернативы, имеющие определенный потенциал в историческом процессе в зависимости от выбора, предписанного автором обращения. Благодаря своей фундаментальности и возможности воздействия на подсознание слушателей, данная риторическая стратегия способна сделать сложные ситуации проще и облегчить выбор, придав при этом большей драматичности риторике оратора. Предрасположенность слушателя в пользу позиции оратора может быть продиктована чувством благодарности за осознание собственной значимости и важной роли в разрешении коренного противоречия.

Ситуация выбора, навязываемая аудитории оратором всегда предполагает принятие какой-либо точки зрения или выбор того или иного решения проблемы. В контексте обращения, насыщенного риторическим детерминизмом, данные формы выбора становятся условиями. Оратор может сказать: «настоящее вытекло из прошлого, *потому что* вы приняли (или не приняли) мое решение проблемы или *потому что* вы проявили (или не проявили) определенные качества. Будущее, которое я вижу, станет результатом настоящего, *если* вы примете мое решение или *если* вы проявите определенные качества. При том, что оба условия могут быть использованы в обращении, первое больше подходит для совещательных, а второе – для церемониальных или вдохновляющих речей.

Независимо от условий следствием метафор света и тьмы может быть намек на мысль (там, где детерминистические связи имплицитны) или усиление мысли (там, где детерминистические связи становятся эксплицитными) о том, что конкретная последовательность событий должна была или должна будет произойти. Метафорическая комбинация создает и усиливает данное ощущение путем ассоциации, возможно, противоречивых утверждений касательно неизбежности протекания некоторого процесса с ходом общего, абсолютно неоспоримого природного цикла.

Следовательно, эту важную функцию метафоры света-тьмы можно классифицировать как *аргументация с помощью аналогии*. Однако данная классификация не безупречна, особенно если основой риторического детерминизма являются качественные условия. При таких условиях символическая комбинация становится разновидностью аналогии, уровень значимости которой позволяет конкретизировать ее как *аргументация с помощью архетипа*.

Чтобы понять причины этой особенной значимости, необходимо более тщательно исследовать эффективность качественных условий. Степень эффекта зависит от степени принятия аудиторией базового нравственного посыла, который, на самом деле, не только является стимулом публичного дискурса в подавляющем числе западных стран, но даже в большей мере заключает в себе логическое обоснование существования и проявлений подобного дискурса. Данная, обычно незримая, аксиома может быть переформулирована следующим образом: *материальное условие следует из нравственных предпосылок*. Так, текущее благосостояние находит свое объяснение, а светлое будущее может быть гарантировано при условии, что человек или государство наделены определенными нравственными качествами. Соответственно, противоположные нравственным качества человека или государства привели на сегодняшний момент или приведут в будущем к противоположным материальным условиям жизни.⁹ Западный вариант этого скрытого от взора посыла становится очевидным, если предположить, что тезис о детерминированности материальных условий нравственными предпосылками приводит к увеличению роли и ответственности отдельного человека в историческом процессе. Весь мир вращается вокруг борьбы добра со злом, нескончаемо идущей в человеческой душе и придающей огромное историческое значение в высшей мере личным нравственным кризисам. Согласно восточной или марксистской точке зрения, было возможно изменение направления этой причинно-следственной связи на обратное, что, в свою очередь, привело бы к уменьшению роли индивидуума.

Следовательно, утверждение о том, что некая последовательность событий стала или бу-

⁹ Прекрасный пример параллельного сопоставления прошлого и настоящего с моральными качествами содержится в работе Кеннета Берка, посвященной анализу риторики Гитлера «The Philosophy of Symbolic Form» (Baton Rouge, 1941), стр. 204-205. Из анализа Берка следует, что Гитлер сводил воедино свои взгляды на прошлое, настоящее, а также будущее с целью представить панорамную интерпретацию и предсказать дальнейшие события в истории Германии. Возложить вину за невзгоды настоящего Германии на дегенерацию в прошлом (грех) означало пообещать благополучное будущее, когда моральное здоровье будет восстановлено (искупление).

дет детерминирована фактом наличия определенных нравственных качеств, может иметь двойственное основание. Во-первых, это утверждение опирается на веру в нравственную обусловленность и является следствием скрытой энтимемной структуры. Во-вторых, данное утверждение может быть ассоциировано с фактом неоспоримо детерминированного архетипичного процесса. Однако оба подтверждающих основания взаимосвязаны друг с другом. Сама вера находит свое подтверждение, ассоциируясь с фактом архетипичного процесса, который постоянно сеет в восприимчивом человеческом разуме мысль о том, что в злой тьме таится проблеск света, за светом, вероятно, последует темнота и так далее в бесконечной последовательности. Поэтому, образные символические репрезентации света и тьмы нередко функционируют в текстах обращений в качестве едва уловимого и в то же время фундаментального аргумента, благодаря чему заслуживают индивидуализации, как, например, в случаях с *аргументацией с помощью архетипа*.

Из всех ораторов, древних и современных, более всех осознавал силу, заложенную в метафорах света и тьмы, Уинстон Черчилль. Действительно, выступления Черчилля времен войны отличает исключительное постоянство в предпочтении архетипичных образов. Это его пристрастие, возможно, доказывает другую более общую истину о том, что во времена тяжелых кризисов, когда политический переворот захлестывает общество и сметает на своем пути традиционные и современные формы проявления культурного своеобразия, оратор обращается к принципам символизма, архетипам, воплощающим в себе неизменную сущность человеческой специфичности.

В такие моменты публика также оказывается необычайно восприимчивой к архетипичным образам и охотно ищет утешения, возвращаясь вместе с оратором к образам, символизирующим древние основополагающие истины цикличности света и тьмы, жизни, смерти и рождения, к горам, рекам и морям, чтобы убедиться в их неизменной и символически взывающей к человеческому сердцу сущности, уверяя, тем самым, что, несмотря на все внешние потрясения человек остается человеком.

Приведенный ниже пример из многих избилующих блистательными образами речей Черчилля наглядно иллюстрирует большинство особенностей, выделенных в предыдущей части статьи:

Если мы сумеем противостоять ему [Гитлеру], вся Европа может стать свободной и перед всем миром откроется широкий путь к залитым солнцем вершинам. Но если мы падём, тогда весь мир, включая Соединённые Штаты, включая все то, что мы знали и любили, обрушится в бездну

*нового средневековья, которое светила извращённой науки сделают ещё более мрачным и, пожалуй, более затяжным.*¹⁰

Бросаются в глаза такие архетипы, как свет и тьма, а также вертикальная шкала. Высокая частотность данной комбинации обусловлена тем, что свет, естественно, ассоциируется с верхом, а тьма – с низом. Налицо усиленный контраст оценочных суждений и очевидно присутствие риторического детерминизма. Упрощение ситуации возможно только при наличии двух, и только двух, альтернативных вариантов, один из которых, непременно должен олицетворять модель будущего. Качественное условное обстоятельство содержит в себе выбор британского народа в пользу или против непоколебимости перед лицом опасности. Будущее материальное состояние будет зависеть от их внутреннего морального выбора.

Последовательно изображая с помощью символов поощрение – «залитые солнцем вершины», а затем еще более образно указывая на наказание – «бездна нового средневековья», Черчилль стремится укрепить приверженность аудитории к данной моральной ценности. Используя мгновенно ощутимый контраст света и тьмы, Черчилль дает второе дыхание, казалось бы, не имеющей отношения к данному контексту избитой метафорической фразе «светила извращенной науки». Эффектом возрожденной с новой силой метафоры является абсурдность и неестественность ассоциации света со злом, что усиливает мощь нависшей угрозы. Таким образом, приведенный отрывок представляет выразительную и, по-видимому, интуитивную реализацию описанных выше потенциальных возможностей исследуемых риторических явлений.

Данный образ был применен Черчиллем с целью создания побудительной и поучительной речи. Когда он вкладывает в свои слова утешительный и подбадривающий смысл, наблюдаются некоторые изменения используемых образов:

*Что ж, спокойной вам ночи! Спите и набирайтесь сил до утра. Так как утро придет. Ярким светом озарит храбрых и верных, озарит добром всех, кто вынужден по этой причине страдать, и увековечит славу павших героев. Таким будет рассвет.*¹¹

Данный отрывок составляет большую часть заключения его обращения «К французскому народу». Черчилль обращается к поверженному народу. Поскольку они уже в «бездне нового

¹⁰ "Their Finest Hour," *Blood, Sweat, and Tears*, ed. Randolph S. Churchill (New York, 1941), p. 314.

¹¹ "To the French People," *Blood, Sweat, and Tears*, p. 403. См. другие примеры в "Be Ye Men of Valor" и "The War of the Unknown Soldiers."

средневековья», он не упоминает об альтернативах света и тьмы, в результате чего теряется острота ощущения конфликта и контраста. Теперь, говоря о будущем, приемлема лишь одна модель – обнадеживающее движение из тьмы к свету. Непреклонная вера оратора в неизбежность такого движения настолько сильна, что он даже не говорит о необходимых условиях. Они присутствуют в речи лишь имплицитно: способность переносить тяготы, мужество и непоколебимая верность долгу перед лицом угрозы, даже под страхом мучений и смерти.

Чтобы придать еще больший вес утверждению о неизбежности благоприятного будущего, Черчилль полагается на уже закреплённый за ним образ, одновременно усиливая его – образ «человека непоколебимой веры». Однако не носит ли утверждение, основанное на данной убежденности, больше молитвенный характер, являя собой попытку воплотить предсказанное будущее путем публичного произнесения заклинания? Как бы там ни было, слова утешения и воодушевления могут быть скомпрометированы и не возыметь должного эффекта только в случае, если аудитория почувствует неуверенность в храбрых словах.

Как видно, иносказательные характеристики обращения, равно как и модели образного развития значений, претерпели определенные изменения. В первом примере наблюдается открытое и прямое навязывание переносных значений аудитории, что полностью согласуется с решительным и нравоучительным тоном данного отрывка. Налицо очевидные метафоры: «залитые солнцем вершины», «бездна», «средневековье» (темные века). Сила воздействия этих метафор побуждает слушателей к немедленному принятию решения.¹² Однако образность второго представленного отрывка характеризуется не столь высокими и, пожалуй, более успокаивающими, темпами изменения значения. Произнося свое обращение вечером, Черчилль в полной мере использовал данное обстоятельство.¹³ Фраза «Спокойной вам ночи...спите и набирайтесь сил до утра» имела вполне буквальное значение. Однако с этого момента начинает проявляться метафорический смысл, и на протяжении всего отрывка на-

блюдается постепенное развитие переносного значения.

Очевидно определенное физическое сходство с наступлением рассвета и приходом зари, во многом достигаемое благодаря едва различимым звукоподражательным качествам всего отрывка.

Образ солнца присутствует в метафорах света и тьмы имплицитно, а в планетарной системе оно особенно тяготеет к центру. Но все же солнце выполняет свои специфические функции и служит источником архетипичных образов. В то время, как свет и тьма служат, как правило, основой для формирования оценочных суждений относительно поступков и состояний людей, солнце более выразительно символизирует человеческий характер. В большинстве случаев это делается в лестных целях, говоря о положительных качествах, присущих какому-либо человеку. Так, образы солнца по сравнению с метафорами света и тьмы одновременно носят менее динамичный и более личностный характер.

Данная мысль находит яркое подтверждение в речи Эдмунда Берка «О налогообложении в Америке», в которой образ солнца способствует сначала прославлению Лорда Чатама, а затем выражает менее благоприятное мнение о нем, что достигается с помощью едва уловимого иронического контраста с характером Чарльза Таунсенда:

И даже тогда, сэр, даже прежде, чем ореол его славы исчез в закате, на противоположном краю небосвода, озарив западный горизонт огнем, возшло другое светило и на час, отведенный ему, возымело господствующую власть.

И свет его также исчез в закате навсегда.¹⁴

В отрывке прослеживается еще одно следствие использованных солнечных образов. В то время как взаимосвязь света и тьмы основывается на хронологической последовательности, имеют место также второстепенные циклы сменяемости различных фаз дня и ночи. Если фазы ночного времени суток не проявляют архетипичного значения, то дневные периоды как раз характеризуются наличием такового. Цикл «рассвет – сумерки» приобретает особое значение в качестве символа человеческой жизни от рождения до смерти, свидетельствуя о возможной необходимости метафорического истолкования жизненного цикла человека, который сам по себе представляет источник архетипизации.

Примером использования вышеупомянутых архетипов может послужить чувственный автопортрет Мак-Артура в его «Обращении к конгрессу». И в начале, и в заключении своей речи

¹² Osborn and Ehninger, стр. 226-231, предлагают модель, иллюстрирующую реакцию разума при восприятии метафорического стимула. Критической фазой в данном процессе является принятие решения.

¹³ Примером подобного использования физических характеристик ситуации выступления в фигуративных выражениях может служить речь У. Питта "On the Abolition of the Slave Trade," *Select British Eloquence*, ed. Chauncey A. Goodrich (New York, 1963), pp. 579-592. Завершение выступления У. Питта, использовавшего эффектный образ рассвета, совпало с моментом, когда рассвет коснулся окон парламента. См. Philip Henry Stanhope, *Life of the Right Honourable William Pitt* (London, 1861), II, 145-146; Lord Roseberry, *Pitt* (London, 1898), p. 98; and J. Holland Rose, *William Pitt and National Revival* (London, 1911), p. 470.

¹⁴ Goodrich, p. 259.

автор видит себя «на увядающем закате своей жизни». Использование образов в столь важных для восприятия позициях текста, указывает на основную цель речи Мак-Артура – привлечь к себе сочувствующее внимание аудитории. Далее эффект этого символического воззвания усиливается за счет использования в основной части обращения контраста образов, относящихся к «рассвету новых возможностей» в Азии.¹⁵

Следствием метафор на основе образа солнца может быть проявление различия качественных характеристик света. Природный излучаемый солнцем свет более предпочтителен, нежели искусственный созданный человеком, что позволяет говорить о существовании в символической сфере света противоположных метафорических образов. Подобные метафорические противоположности встречаются редко, однако характеризуются большей утонченностью и пронизательностью, чем явные образные оппозиции света и тьмы. Отрывок из речи Эдмунда Берка «Перед выборами в Бристол» содержит пример, иллюстрирующий, хотя и довольно смутно, контрастность дневного света и искусственного освещения:

*Я всегда действовал при свете дня и намерен остаться на том пути, что постоянно освещен при всех его пороках и добродетелях, а путь оправданий и обещаний, подобных мерцанию догорающих свечей, я не приемлю. Они могут затмить свет своим дымом, но какое бы пламя они не разожгли, им никогда не удастся заменить сияние солнечного света.*¹⁶

Речь Берка иллюстрирует проявление еще одной, последней возможности «солнечной» метафоры на основе затмения. Согласно общепринятому стереотипу, затмение связывают с «неудачей», «несчастьем», однако в устах опытного оратора это слово может звучать вовсе не так тривиально и вызвать более интересные ассоциации. Имплицитно заложенной может быть мысль о том, что тьма – явление преходящее, равно как и несчастливый период в жизни страны, мысль о скором возвращении к свету и былому благосостоянию.

Обычно, сохраняющийся при этом слабый намек на солнечный свет служит для утешения и поддержки слушателя. Поэтому иногда более выгодным риторическим ходом является представление страны в темноте затмения, нежели в темноте ночи. Следующий отрывок из обращения Берка частично иллюстрирует данный потенциал:

*Какой бы потускневшей ни была слава этой страны, каким бы темным не было затмение, накрывшее ее, еще озаряют ее поверхность лучи былого великолетия, и то, что делается в Англии, являет собой тому подтверждение и пример.*¹⁷

Более удаленное положение по отношению к центру системы «света – тьмы» занимает контраст жары и холода, наиболее ярко реализованный посредством образов, связанных с огнем. Образ огня способствует формированию не только центральной мотивационной основы в системе «света – тьмы», но также и смежной с ней солнечной системы. Огонь имеет обширный диапазон возможных метафорических ассоциаций, что также находит подтверждение в работе Филипа Уилрайта.¹⁸

Уилрайт отмечает, что тепло огня пробуждает ассоциации с телесным комфортом, ростом и питанием тела, а также приготовлением пищи. Взрывающий характер пламени соотносит данный образ с вертикальной ориентационной шкалой приоритетов. Наиболее высокие языки пламени могут символизировать старания человека, стремящегося улучшить свое положение, достичь более «высоких» идеалов и более значимых побед. Будучи наиболее активной и быстроменяющейся из всех природных стихий, огонь способен олицетворять молодость и возрождение. С другой стороны, его солнечное воплощение может символизировать постоянство природы, порождая ассоциацию, являющуюся основой таких выражений, как домашний очаг и алтарный огонь.

Поскольку в ходе горения происходит распад вещества, то можно рассматривать данный процесс либо как разрушение, либо как очищение. Символически это может быть как адское пламя, так и искупительный огонь чистилища. Благодаря таким свойствам, как стихийность возникновения и быстрота возобновления, огонь может символизировать зарождение мысли и ее дальнейшее развитие в процессе мышления. Подобно тому, как с помощью факела пламя распространяется от одного места к другому, мысль перебегает от человека к человеку.

Учитывая эти отношения огня и света, Уилрайт отмечает неразрывную связь двух элементов, при которой огонь обуславливает свет, оказывающий воздействие на восприятие слушателя:

Благодаря современным бытовым приборам мы настолько привыкли различать свет и тепло, что практически забыли о том, каким естественным и гармоничным было сочетание этих двух явлений в древние времена. ...Даже в холодный зимний

¹⁵ *The Speaker's Resource Book*, eds. Carroll C. Arnold, Douglas Ehninger, and John C. Gerber (Chicago, 1966), pp. 279-284.

¹⁶ Goodrich, p. 293.

¹⁷ *Ibid.*, p. 305.

¹⁸ *The Burning Fountain*, pp. 303-306; and *Metaphor & Reality*, pp. 118-120.

день все же разум воспринимал и ощущал тепло солнца. Следовательно, в контекстах, где свет символизировал ясность ума, он также нес в себе и определенные метафорические коннотации, связанные с огнем. ...Подобно тому, как огонь излучает свет и согревает тело, свет интеллектуальный не только указывает путь, но также стимулирует рациональное и духовное развитие.¹⁹

Однако мысль Уилрайта о меньшей восприимчивости современного разума к древней ассоциации огня со светом не находит подтверждения в следующем примере из речи Джона Кеннеди:

*Пусть с этого места в это мгновение до друга и до врага долетит весть о том, что факел был передан новому поколению американцев... Энергия, вера, преданность, с которыми мы беремся за эту попытку, озарят нашу страну, всех, кто служит ей; отблеск этого пламени поистине может озарить весь мир.*²⁰

Данный пример доказывает тезис Уилрайта о том, что огонь естественно ассоциируется с молодостью и возрождением. Если в приведенном выше примере огонь символизирует преданность, импульс к самоотверженному созиданию, то в нижеследующем отрывке из обращения Черчилля – разрушение и, возможно, очищение.

Но вместо этого он [Гитлер] зажег в наших сердцах на нашей земле и во всем мире огонь, который будет гореть еще долго после того, исчезнут как все следы пожарища, которое он устроил в Лондоне. Он зажег огонь, который будет гореть и после того, как все следы тирании будут выжжены из Европы, когда Старый и Новый мир единой рукой восстановят храмы свободы и чести человека.²¹

И снова в речах Черчилля отмечается тенденция к расширению значения буквально понимаемого содержания и построению образности. «Пожарище» в Лондоне, вызванное нацистскими бомбежками сначала приобретает образное значение злости, поселившейся в «сердцах Британцев», а затем символизирует характер будущего возмездия. Используемое Черчиллем понятийное сходство при формировании переносного смысла, не выходит за рамки данного контекста, что является естественным механизмом формирования метафоры,²² а ограничивается применением ассоциативного потенциала предыдущего понятия по отношению к последующим. В результате вплетаемые

в речь образные модели приобретают определенную художественную связность.

Прослеживается также взаимосвязь огня, символического разрушения с действиями по созиданию, символическим построением. Подобное архетипичное сочетание позволяет предположить, что ввиду увлекательности пути от их создания до момента восприятия, чрезвычайно захватывающие внимание метафоры способны развить потребность в образном оформлении мыслей как у говорящего, так и у аудитории, что придает дальнейшей иносказательности в речи большую адекватность и императивность.²³ На основании следствий метафоры разрушения-созидания, равно как и метафоры болезни-выздоровления, можно также полагать, что второй элемент каждой комбинации выполняет в некотором роде уравнивающую, отчасти эстетическую и отчасти обнадёживающую функцию.

Архетипичный потенциал цикличности времен года, наиболее отстоящий от центра системы света-тьмы, накладывается на мотивационные начала всех остальных архетипов, менее удаленных от центрального источника. Вариации света и тьмы в зависимости от времени года, качественные изменения солнечного света, крайние перепады жары и холода – все эти явления наделяют сезонные контрасты комплексным и мощным потенциалом для символического выражения оценочных суждений с привлечением таких понятий, как надежда и отчаяние, расцвет и упадок. Больше того, неминуемая цикличность и ритм сезонных изменений скрывают еще один потенциальный символ, способный обусловить детерминированность настоящего или гарантированность будущего. Именно по этим причинам цикличность времен года приобрела огромное значение в поэзии и художественной литературе. Не раз обращался к этому источнику и великолепно его использовал, к примеру, Шекспир.²⁴ Поэтому, вызывает удивление и отчасти недоумение то факт, что данный основополагающий природный архетип, фактически, игнорируется ораторами.²⁵

²³ Представление о «потребности» в создании образных форм было развито Кеннетом Берком в *Counterstatement* (New York, 1931). Особенно подробное обсуждение см. в Главе VII. Представляется, что обсуждаемая здесь и возбуждающая аппетит метафорическая последовательность соотносится с выделенными Берком «качественными» и «повторяющимися» формами.

²⁴ Перечень используемых им образов природного цикла в полной мере представлен в работе Сперджена «Shakespeare's Imagery».

²⁵ Немногие выделенные примеры служат иллюстрацией предлагаемой в данной работе концепции абстрактного предмета и выразительным образом встречаются в официальных речах смешанного риторико-поэтического жанра. См. Franklin Roosevelt, "First Inaugural," *American Speeches*, eds. Wayland Maxfield Parrish and Marie Hochmuth (New York, 1954), p. 502; and George Canning, "On the Fall of Bonaparte," Goodrich, p. 863.

¹⁹ *Metaphor & Reality*, p. 118.

²⁰ Arnold, Ehninger, and Gerber, pp. 226-227.

²¹ "Every Man to His Post," *Blood, Sweat, and Tears*, p. 369.

²² См. Osborn and Ehninger, p. 227.

Понимание столь странного пренебрежения, причина которого, возможно, заключается в своего рода неполноценности и неуместности сезонного цикла для риторических целей, требует пристального рассмотрения природы самого источника архетипизации и сравнения его со схожими, более распространенными архетипами. Образы, связанные со сменяемостью времен года, не пользуются популярностью в риторическом дискурсе из-за характера обычно обсуждаемых оратором тематик и типа публики.

Смена времен года – медленный и размеренный процесс. Апеллирование к нему представляется более целесообразным при описании процесса долгосрочных перемен, а также общего состояния людей в ходе данного процесса. Обращение к образам времен года более характерно для поэтического или философского взгляда на время и постепенно изменяющуюся природу человеческой судьбы. В то время как явления, с которыми имеет дело риторический дискурс, как правило, носят динамический, безотлагательный и реальный характер. При этом имеются в виду конкретные проблемы и конкретные решения. Как следствие, между предметом риторики и потенциальными символическими возможностями сезонных контрастов возникает некоторая внутренняя несовместимость.

Вторая причина, объясняющая непопулярность данного источника архетипизации, кроется в психологии аудитории и в ее отношении к предмету риторики. Смена периодов света и тьмы носит отчетливый и наглядно-образный характер. Обещание того, что после тьмы придет свет, подразумевает скорое решение проблемы и являет собой гарантию, приемлемую для массовой аудитории, испытывающей конкретные и острые нужды или с нетерпением ожидающей долгосрочных изменений. Аналогия с временами года, напротив, означает более медленный и размеренный процесс, что совсем необязательно радует подобную аудиторию. Кроме того, если говорить о степени воздействия на людей, эстетически не настроенных на восприятие долгосрочных контрастов и едва уловимых изменений, то по сравнению со сменой периодов света и тьмы, характеризующейся быстротой и эффектностью, более длительному циклу времен года недостает драматичности.

Таким образом, сезонный цикл является аристократическим источником образности, порождающим специализированные символы для обозначения объектов более высокого уровня абстрактности, представляя их вниманию изысканной публики. Из всего вышесказанного напрашивается вывод о том, что степень потенциальных возможностей и мотивационного воздействия на аудиторию, созданных посредством архетипа времен года, в силу природы и

обстоятельств ораторского искусства, обычно, сводит на нет роль самого оратора.

Исчерпывающее изучение критиком следствий какого-либо риторического образа не ограничивается рассмотрением лишь вопросов, возникающих при исследовании семейства источников архетипизации. Однако данные изыскания формируют сценарий дальнейшего исследования.

Что касается *изобретения* метафор, то о чем свидетельствует выбор говорящего в пользу тех или иных *элементов ассоциации*? Имеют ли место предпочтения оратора использовать определенные метафоры при обсуждении соответствующих тем? И существует ли среди этих метафор гармоничное согласование на основе единой образной точки зрения на социальные проблемы? Изменяет ли оратор темпы смыслового развития в различных ситуациях? Если да, то с какой целью и какого эффекта желает достичь?

Что касается текстовой организации, насколько велико значение локализации образа в обращении оратора? Распространяется ли отзвук доминантной метафорической модели, употребленной вначале текста, на остальную часть обращения в виде второстепенных ее вариаций? Способна ли метафора, особенно захватывающая своей образностью, оказывать эйдетический эффект на оратора и аудиторию, вызывая цепную реакцию образного восприятия на протяжении всего обращения? Или же, в случае если главная мысль выражена в заключительной мысли, выполняют ли второстепенные образы подготовительную функцию по отношению к доминантной метафоре, доводя аудиторию до нужной кондиции? Если любое из перечисленных явлений имеет место, возникает вопрос: существует ли у человека в действительности упорядоченная система образов, взаимосвязанная с системой обсуждаемых тематик? Носит ли данная система образов доминантный или же второстепенный характер по отношению к фактическому порядку? Отличаются ли данные модели регулярностью, повторяясь в различных обращениях оратора? Если да, то какие индивидуальные черты ораторского мастерства можно выделить у данного человека?

Что касается *доказательств с точки зрения морали*, свидетельствует ли частое использование контрастных образов света и тьмы о затруднениях оратора, пытающегося разграничить добро и зло и сделать окончательный выбор? Говорит ли оратор о себе с помощью репрезентаций отношений прошлого-настоящего, настоящего-будущего как о человеке, преданном вере или убеждениям? Если его словам присущ некий детерминистический смысл, то свойственна ли им обусловленность, и если да, то каков характер этих условий?

Другие вопросы возникают при рассмотрении *мотивационных оснований* архетипичной метафоры. Какой из всех закрепленных за определенным архетипом мотивационных стимулов акцентируется конкретным образом? Является ли имплицитная мотивационная стимуляция усиливающей или противодействующей по отношению к эксплицитно выраженной в речи системе побуждений? Отсюда же возникает другой, отчасти более общий, вопрос, ответ на который имеет очень важные следствия для теоретиков риторики. Возможно ли на основе исследований архетипов индуктивным способом сформировать имеющую непосредственное отношение к риторическому дискурсу мотивационную систему, нежели принимать на основании авторитетного свидетельства некий обобщенный перечень «побуждающих стимулов?».

По крайней мере, уместно было бы задать один важный вопрос относительно функции *логического доказательства*. Является ли образ воплощением некой подразумеваемой энтимемной структуры и функционирует ли в качестве довода внутри себя? Или же служит скорее для драматизации, иллюстрации и усиления логической структуры, которая эксплицируется в речи.

Два последних предположения и вопроса, равным образом адресованные как теоретикам риторики, так и критикам, являются дискуссионными. Первый из них затрагивает давние отношения между риторикой и поэтикой. Вот уже в течение некоторого времени в своих публикациях исследователи пытаются выявить различия этих двух направлений гуманитарного знания, однако, возможно к счастью, за наводящими на мысли суждениями не просматриваются окончательные ответы на поставленный вопрос.

Представляется, что предпринимаемая в рамках исследования образов природного цикла попытка отыскать еще более тонкие различия и выделить образный инвентарь, присущий каждой из двух форм знания, на шаг вперед продвинет данную дискуссию.²⁶

Второй вопрос касается отношения архетипичных и неархетипичных метафор. В какие

моменты использование последних является более предпочтительным? Наглядно иллюстрирует такие моменты анализ предвыборного обращения Франклина Рузвельта в Питтсбурге от 1936 г., выполненный Лаурой Кроуэлл.²⁷ Критик находит устойчивый образ, связанный с бейсболом и объясняет это локализацией обращения, сделанного на площадке «Форбс Филд». Таким образом, особое обстоятельство, аналогичное тому, что способствовало усилению рассветно-огненной риторики Черчилля, определило в данном случае большую адекватность неархетипичного образа.

Еще более значимый потенциал архетипов становится очевидным на основании иной интерпретации данных, полученных в результате превосходных исследований У.Е. Уошборна, посвященных символам Американского политического дискурса на ранних стадиях становления государства.²⁸

В свете полученных данных Уошборн заостряет свое внимание на мысли о критической важности архетипичных образов не только во времена социальных потрясений в обществе, но также и на этапе его формирования до момента обретения обществом признака определенной национальности. Подобные образы, вызывающие ко всем людям, должны за счет своей фигуральности выполнять нагрузку по убеждению и предшествовать появлению образов, способных воззвать к *этим* конкретным людям. Поэтому, в ходе массовых демонстраций 1788 г., призывавших к принятию федеральной конституции, акцент делался на образах строительства государства и корабля. К 1840 г. преобладающими политическими образами на тот момент стал ряд символов местного быта – «бревенчатая хижина», «крепкий сидр» и «плуг». Данные образы были творениями времени, явлениями столько же своевременными, насколько и преходящими. Они позволяют с особой точностью помещать в фокус внимания какие бы то ни было ценности и мотивы, играющие ведущую роль в данный период времени.

²⁷ "Franklin D. Roosevelt's Audience Persuasion in the 1936 Campaign," *Speech Monographs*, XVII (March 1950), 48-64.

²⁸ "Great Autumnal Madness: Political Symbolism in Mid-Nineteenth-Century America," *QJS*, XLIX (December 1963), 417-431

²⁶ См. также Osborn and Ehninger, стр. 233-234; and Michael Osborn, "The Function and Significance of Metaphor in Rhetorical Discourse," unpubl. Ph.D. diss. (University of Florida, 1963), стр. 274-299.